

Новая Польша 3/2006

0: ПРИШЕЛЬЦЫ НА СЦЕНЕ

Пролог

27 летний Саша Родионов, автор знаменитой драмы «Война молдаван за картонную коробку», поставленной в Театре.doc, в течение четырех дней готовит вместе с польскими актерами театра «Ad Spectatores» («На зрителей») спектакль о русских и украинцах во Вроцлаве. Будущий спектакль они назвали «Ночь с Дос».

— Здравствуйте... Наш спектакль создается на канве подлинных событий. Мы вырвем героя из мира и поставим его на сцену. Актеры будут говорить его языком, со всеми запинками, ляпами. Мы приехали показать русских и украинцев, живущих рядом с вами — здесь, во Вроцлаве. О чем мы их будем спрашивать? А вот о чем: «Почему ты живешь в Польше? Каков был твой первый день здесь? Что тебя больше всего смешит в поляках, а чего ты в них не выносишь? Должны ли русские рассчитаться за Катынь? Встретился ли ты с агрессивным отношением поляков?» Завтра отправляемся в город.

Сцена I.

Комплекс России

Сорокалетний музыкант Саша Худобин, отец двоих детей — регент в православной церкви, записывает пластинки с литургическими песнопениями, пишет музыку для театра. Он сосредоточенный, несмелый, говорит тихо и долго взвешивает слова.

— С какими трудностями встречаются русские в Польше?

— Ну-у-у-у, например, я не могу получить кредит... без польского гражданства. Кроме того, когда еду за границу, а с хором я езжу довольно часто, то трудно получать визу. Были трудности и с детьми. Обучение дочери в Медицинской академии стоит 17 тысяч злотых в год — столько я платить не мог и начал хлопотать о натурализации. Тогда я узнал, что польское гражданство могу получить, если откажусь от российского. Написал письмо президенту Квасневскому. Сомневаюсь, чтоб оно попало прямо к нему, но рассчитывал на его чиновников... и Господа Бога. Письмо у меня тут, в компьютере... могу прочесть... — подходит к компьютеру, кликает мышкой, но письма найти не может, — ...прочту вам попозже.

— Где ты получил музыкальное образование?

— Сначала в консерватории в России, а потом запрыгнул здесь на два последних курса.

— И как ты себя чувствуешь в роли сорокалетнего студента?

— Отлично! Познакомился музыкальными кругами, чувствую себя моложе, группа у меня замечательная. Немного научился смирению, а то вначале задавал преподавателям вопросы, на которые они не могли ответить. Подозреваю, что не знали ответа. Ну и через несколько дней пришел мой знакомый, тоже преподаватель, и говорит: «Саша, умоляю, помолчи на занятиях, хватит того, что ты на них ходишь!» Когда добрался до дипломной работы, начались трудности: я польский не так уж хорошо знаю. Это был настоящий ужас! Но что делать — научился писать.

— Видишь ли ты разницу между уровнем польских и российских преподавателей?

— Да, разница огромная! Тут студенты все время жалуются, что профессура глупая. А я им говорю, что даже от самого глупого можно научиться: не делай так, как он.

— Почему ты решил остаться в Польше?

— Я приехал на год управлять хором, а епископ мне говорит: «А почему на год? Надо забрать жену и дочку — а ей тогда семь лет было, — и тут поселиться». Сын у меня родился уже в Польше, сейчас ему девять лет, дочке

двадцать первый пошел. Дома мы стараемся говорить по-русски, но идет такая смесь, что у нас выходит русское эсперанто.

— Сталкивался ли ты с неприязнью поляков?

— Иногда слышу неприятные замечания, но стараюсь не волноваться. Может, это странно, но я уже потерял свой берег, живу здесь уже 12 лет... Для вас я русский, а для них — чужой. Даже анекдотов их не понимаю...

— Какими ты видишь поляков?

— Вы очень поддаетесь тому, что говорится в СМИ. Этот искусственно навязываемый вам европеизм... Если вы не опомнитесь — потеряете свой облик! Когда-то в России хорошо знали польский театр. А теперь? В польско-российских отношениях виден только уровень властей.

— Как ты оцениваешь поведение Путина в отношении Польши?

— Мне было неприятно, что Путин обошел Польшу, когда праздновали День Победы в Москве. Но одно дело власть, другое — народ. Проблема малого народа — его комплексы. Думаю, у вас комплекс России.

Сцена II

Капелька вина

Православная церковь на улице св. Николая во Вроцлаве. Отец Александр сидит на стуле у столика и рассказывает о своей работе с заключенными. Напротив него — актеры, режиссер, драматург и переводчик. Один из актеров включает камеру.

— Уже 14 лет как я работаю в следственной тюрьме, — говорит батюшка. — Для русских заключенных приход священника — это связь с семьей, напоминание о добрых старых временах, когда они жили на родине... Когда я праздную с ними Пасху, то приношу им просфоры, кулич, яйца и, что для них самое главное, красное вино. Капелька вина позволяет им вернуться к самым своим корням: вот они сидели бы в семейном кругу, пили бы это вино, радовались бы празднику — а должны сидеть здесь. И бывало так, что они плачут, я плачу...

— А кто тут сидит? Рядовые русской мафии?

— А кого только нет! Когда я однажды разговаривал с сыном русского дипломата, то воспитатель меня просил держаться не ближе метра от него, потому что он очень опасный. Теперь он сидит в Воловской тюрьме, получил 24 года. Он мне рассказал, как оказался тут. Какие-то люди вели слежку за его машиной. Ну он кружил в машине по Еленей-Гуре, доехал до какого-то парка, внезапно остановился, подошел к ним: «Чего вам надо?» — тут же вынул гаган, бах-бах, пятерых убил, и с концами... Сразу видно, что у человека никаких угрызений совести. Потом оказалось, что за ту машину, на которой он ездил, кто-то им раньше не заплатил. А он вышел, бах-бах... И всё.

— Вы всегда знаете, кто придет на встречу с вами?

— Я никогда не спрашиваю воспитателя, чт? у них в деле, потому что иногда это ужасающе... У меня такой принцип: никогда не интересоваться делом. Я получаю человека и должен его вылепить, чтобы он, войдя сюда дурным, вышел хоть чуточку лучше. Но хорошим редко кто выходит. За 14 лет моей работы только двое, выйдя, сказали спасибо.

Сцена III

В капиталистической стране

Маленькое кафе на Рыночной площади. Артисты расселись вокруг 25 летней Ольги. В Польше она четыре года, свободно говорит на четырех языках.

— Терпимы ли поляки?

— Пожалуй, да... Но все время проблемы с работой, надо заполнять массу бумаг, а никакому предпринимателю не хочется. Поэтому я подала на натурализацию. Узнала, что со стороны отца у меня какие-то польские корни. Когда оказалось, что за обучение в Академии художеств иностранцы должны платить кошмарные деньги, мои

друзья спросили: «Ну, кого из нас выбираешь?» Замужество — самый простой путь к польскому гражданству. Но я хотела бы выйти замуж за русского, украинца или белоруса... За поляка я, пожалуй, не вышла бы.

— Почему?

— Речь идет не о том, кто он по национальности. У меня самой мешаная кровь — украинская, русская, польская. Настоящей украинкой я себя почувствовала только когда вспыхнула «оранжевая революция». Тогда, пожалуй, в первый раз гордилась своим народом. Вы, поляки, не такие, как мы. Мы по-другому понимаем дружбу и любовь... У нас люди откровеннее, душевнее, больше жестикулируют. Поляки до какого-то момента тоже открыты, но потом появляется барьер. Мы если дружим, то всем сердцем, насмерть. Когда я возвращаюсь во Львов, все мои друзья собираются, и мы принимаемся вспоминать детство, юность. Мы все время тоскуем друг по другу.

— Чем отличаются украинские мужчины от польских?

— Ох, еще как отличаются! У нас девушек не приглашают выпить пива — приглашают выпить кофе или поужинать... Парень приходит к девушке домой, к матери, говорит, куда ее поведет и на сколько времени, а потом провожает до дому. Поэтому я всегда иначе себя чувствую среди парней из России, Белоруссии или с Украины. Здесь, в капиталистической стране, работа — это часто самое главное, важнее встречи с другом или поездки за город. Здесь труднее чувствовать себя женщиной, но это, пожалуй, отчасти вина полек... Я обожаю чувствовать себя маленькой, хрупкой женщиной, о которой нужно заботиться. А многие польки хотят доказать свою силу и независимость, иногда прямо чересчур.

— Однако тебе удалось доучиться...

— Да, преподавателям понравились мои работы, и академия мне помогла. Я окончила факультет графики. Чаще всего я рисую человеческие глаза. Глаза — повсюду, они многое говорят о человеке, могут быть добрыми и злыми. Я умею читать по глазам, ни разу не ошиблась в людях, всегда знаю, хороший человек или только притворяется.

— Столкнулась ли ты в Польше с дискриминацией?

— Иногда я вижу в руках у людей калитку в мир — польский паспорт. У меня этой калитки нет... Когда я хотела поехать в Берлин на выставку, визы мне не дали, так что поедут только мои рисунки. Крупная неприятность случилась со мной у одного предпринимателя, который берет на работу людей из-за вашей восточной границы на условиях не слишком честных. К счастью, я обо всем узнала, прежде чем успела подписать договор. Выбралась, хотя этот человек устраивал мне неприятности, бранился, начал вмешиваться в мою личную жизнь...

— Что у тебя в Польше не получается?

— Много. Хотела бы иметь квартиру, покупать себе тряпки не на распродаже.

— Ты вернешься во Львов?

— Когда-нибудь — наверняка, но в первую очередь, когда получу паспорт, хочу путешествовать. Я мечтаю год пожить в Петербурге, год в Торонто, год в Нью-Йорке, побывать в Англии и Шотландии и съездить в Австралию.

Сцена IV

С поляком я могу поехать в гостинцу

Бордель-люкс в центре Вроцлава. На софе сидит 30 летняя Катя, красивая, в белом белье и пеньюаре.

— Когда ты в первый раз приехала в Польшу?

— Пять лет назад. Первый год был очень трудный. Раньше я так не работала... раньше я танцевала в Македонии и Турции. Здесь, в Польше, пришлось... Дома у меня ребенок и муж. Дома я порядочная женщина. Он... муж... не знает, что я делаю, он думает, что клубнику собираю... Он работает в охранной фирме.

— А почему ты в Польше?

— Я сюда приезжаю только поработать, заработать денег. Хочу заработать и жить на Украине. Привыкла, но... Может, если б не была замужем, то осталась бы. Я слишком люблю своих... Поляка бы я не хотела. Мы семь лет вместе. Звоню, пишу эсэмэски. Последняя? «Очень люблю тебя и очень тебя хочу. Целую».

— Часто едешь домой?

— Три недели назад была. Приезжаю, вхожу в дом, а муж — как всегда: ужин, вино... Иногда я думаю, что он догадывается, чем я занимаюсь, но знаю, что сюда он не приедет. Билет от нас до Вроцлава стоит сто долларов в одну сторону. И еще 50 — виза.

— Ты кончила какую-нибудь школу?

— Техникум.

— Что ты делаешь после работы?

— У меня никаких подружек нет. Никаких любовников или знакомых. Каждый день одна и та же дорога: выход из дома, солярий, парикмахерская, маникюр, магазин... В кино уже пять лет не была.

— Клиенты тебя не приглашали?

— Приглашали, но я с клиентами на стороне не встречаюсь — боюсь. Я осторожная, не хочу никаких сложностей. Мне надо выспаться, иначе тяжело: работаю с восьми вечера до шести утра. Никто меня не бил, не насиловал, не убивал. Однажды только не заплатили.

— Среди клиентов ты предпочитаешь поляков или русских?

— Если б кацап сюда пришел с украинцем, не пошла бы в комнату ни за какие деньги. Лучше поляки — наших я боюсь. С поляком я могу поехать в гостиницу: чувствую себя в безопасности. Поляки разные: чистые, нечистые — грязнули, как везде. Но в этот клуб приходят порядочные клиенты в галстуках.

— А живешь ты в борделе?

— Да, вон там, внизу...

Сцена V

Прибраться у себя дома

Вилла во вроцлавском предместье Кшики. Галя Коваль — русская, режиссер (принимает участие в работе над сериалами «Мир по Кепским», «Волна преступлений», «Первая любовь»). Она приглашает нас в сад, где бегают ее трехлетний сын Александр.

— Ты помнишь свой первый день в Польше?

— Ой, это давно было! Мы приехали в Польшу с мужем — тогда еще не мужем — на каникулы. Собирались провести месяц и вернуться в Москву, и вот я тут уже 12 лет.

— Муж — поляк?

— Да, он окончил в Москве режиссерский факультет, там мы познакомились. Когда он сюда приехал, получил интересное предложение работы, просто отличной, ну мы и остались. На третий день в Польше муж перестал говорить со мной по-русски, так что я не понимала ничегошеньки! Люди рассказывают анекдоты, а я ничего не понимаю. Это был сильный стресс.

— Как ты его преодолела?

— Когда начала работать. Я была ассистентом режиссера на телевикторине «Кроссворд счастья». Контролировала монтаж — это я умела делать еще в России. Потом окончила аспирантуру Лодзинской киношколы по организации кино- и телепродукции. По образованию я актриса, четыре года училась в Екатеринбурге. В дипломе написано: актриса театра и кино. Сыграла несколько главных ролей, работала в театре-студии.

- Когда ты последний раз была в России?
- Три года назад. Мне трудно себе представить, чтобы я туда вернулась. Тут мне куда лучше.
- С кем лучше работать — с русскими или с поляками?
- Англичане, например, на съемках крайне дисциплинированы, а уровень такого... ну, бардака... в России и Польше одинаковый. Меня это увлекает.
- Ты встречалась с дискриминацией?
- Редко. Ну, какие-то там шуточки... известно, что существуют анекдоты о тупых русских, ну и что? Мне-то какое дело?
- Существует ли в Польше стереотип русского?
- Дело даже не в стереотипе. Дело в общем подходе. Прежде всего: русский — это враг. Да... Если конкретный русский в порядке, то и отлично. Тогда мы разговариваем, возникают какие-то дружеские отношения, и все относится тепло, дружелюбно. А отдельно есть великая Россия, враг Польши. Это очень глубоко укоренено в польском складе ума. Катынь, разделы Польши...
- Ты считаешь, что русские должны просить у нас прощения за Катынь?
- Наверное... только Россия наверняка этого не сделает в ближайшие десять лет.
- Почему?
- Потому что чувствует себя слишком неуверенно. Чтобы просить прощения, надо сначала прибраться у себя дома. Пока слишком много плохого творится внутри России. Прежде всего России следовало бы просить прощения у своих граждан, а потом уж начать извиняться перед соседями. Своих граждан Россия уничтожала миллионами. Нет семьи, в которой кто-нибудь не погиб...
- У тебя в семье тоже?
- Да, мой двоюродный дедушка пропал в 1934 г., и никто не знает, что с ним случилось. В 50-е годы семья получила какую-то справку о реабилитации, что он, мол, был осужден неправильно, и всё. И кроме этого листочка... ничего не знаем. Наверное погиб, но где и когда — неизвестно.
- Как ты сочетаешь съемочную работу с воспитанием ребенка?
- У меня ненормированный рабочий день. Иногда кончаю в одиннадцать вечера, а иногда — в четыре утра. Муж работает не так долго и забирает сына из детского сада. У нас партнерский союз. Он готовит, потому что делает это куда лучше, чем я.
- Ты достигла в Польше успеха?
- Я зарабатываю больше, чем муж, но это нам не помеха. Я приехала в Польшу не затем, чтобы продавать тряпки на Стадионе Десятилетия. Ну... подозреваю, что могу собой гордиться — тем, что я делаю то, что делаю, и что осталась тут.

Эпилог

Водонапорная башня «На гробле». Стометровая, из красного кирпича. Воскресный вечер, некоторые актеры еще нервно переписывают реплики своих героев. На сцене, на стульях, сидят рядышком батюшка Александр (Михал Опалинский), Катя (Агата Сковронская), Саша Худобин (Павел Кутный), сбоку, среди публики, — Галя Коваль (Агата Куцинская) и Ольга Черномаз (Анна Ильчук).

Они играют вышеприведенные сцены. Публика долго аплодирует, требует автора — Сашу Родионова. Саша выходит, раскланивается и указывает на актеров. Первый в Польше мастер-класс по методу «Вербатим» закончен.

В конце Саша Худобин читает свое письмо президенту:

«Мы обращаемся к Вам с низжайшей просьбой дать мне и моей семье польское гражданство. Для нас остается еще очень важным вопрос неотказа от нынешнего, российского гражданства. Вы, глубокоуважаемый господин президент, — единственное лицо, на помощь которого по этому вопросу мы можем рассчитывать (...).

Я живу в Польше 12 лет, и все, что я делаю в своей профессиональной жизни, вытекает из внутренней, сильно испытываемой потребности трудиться ради духовного и культурного сближения двух народов — польского и российского (...).

Получение польского гражданства при одновременной потере российского сделало бы невозможными регулярные поездки к больной, одиноко живущей маме. На востоке остались и могилы наших предков (...). Положительное рассмотрение нашей низжайшей просьбы позволит нашей семье вести достойную жизнь в Польше, трудиться на благо Польши с полной самоотдачей и страстью в сердце, как и до сих пор.

Я хотел бы сердечно поблагодарить за то время, которое Вы, господин президент, пожелали уделить нашему делу. Александр Худобин, музыкант».

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Суббота, 17.15, павильон Международной катовицкой ярмарки. На посетителей выставки почтовых голубей обрушивается перекрытие (...) Польшу облетает шокирующая новость: погибло по меньшей мере 65 человек. По мнению пожарных, шансы найти живых близки к нулю. «К сожалению, жертв будет больше, так как под обломками находятся засыпанные», — говорят пожарные (...) Президент Лех Качинский объявляет национальный траур, который продлится до среды». («Жечпосполита», 30 янв.)
- «По предварительным оценкам прокуратуры, на обвалившейся крыше павильона в Катовице могло лежать до 2,5 тыс. тонн снега и льда. Это означало бы, что нагрузка на один квадратный метр составляла 253 кг. Между тем (...) допустимая нагрузка для этого здания составляет 70-80 кг на кв. метр». («Газета выборча», 30 янв.)
- «В Польше живет более 40 тыс. голубеводов. Больше всего — в Силезии (8 тыс.) (...) Старейшие питомники были основаны больше 100 лет назад (...) Соревнования голубей проводятся летом. Самые быстрые птицы летают со скоростью свыше 160 км/ч (на соревнованиях скорость измеряется в метрах в минуту) (...) В одном соревновании могут участвовать до 6 тыс. голубей. Во время полета (...) они гибнут, налетая на провода высоковольтных линий или попадая в когти хищных птиц (...) Один раз в год несколько тысяч голубей преодолевают расстояние в тысячу километров между Брюсселем и Силезией». («Жечпосполита», 31 янв.)
- «Несколько часов назад на месте трагедии, за сеткой, окружающей павильон, я встретил женщину. Она приехала из городишки, расположенного в 50 км от Катовице и смотрела на происходящее в полном молчании. Заметив декоративного голубя, который умирал, сидя на ближайшем дереве, она стала сыпать ему крошки. В глазах у нее стояли слезы. Она подзывала его, что-то ему шептала, как ребенку (...) Те, кто следил за сообщениями из Катовице, на всю жизнь запомнят сюжет о голубе, который прижимался к щеке своего раненого хозяина, пытаясь согреть его. А те, кто находился в непосредственной близости от павильона, запомнят ряды голубей, замерзавших на металлических обломках, но верно ждавших своих погибших владельцев; ужасающий стук клювов и когтей птиц, пытавшихся выбраться из-под обрушившейся крыши в субботнюю ночь; спасателей и их собак, которые изранили и отморозили себе лапы, бегая по грудам искореженного железа в поисках засыпанных. Я не припомню трагедии, в которой люди и животные участвовали бы так солидарно». (Шимон Головня, «Жечпосполита», 4-5 февр.)
- «Президент Лех Качинский встретился вчера в Ватикане с Папой Бенедиктом XVI. Затем он провел беседу с президентом Италии Карло Адзелио Чампи. «Сотрудничество польского государства с Церковью будет теперь очень тесным», — сказал Качинский». («Газета выборча», 27 янв.)
- «Президент Качинский подтвердил, что встреча [с президентом Джорджем Бушем] продолжалась дольше, чем было запланировано (...) Приблизительно половину времени заняла дискуссия о положении дел у наших восточных соседей. Президент Буш спрашивал своего польского гостя, как он оценивает положение на Украине. Разговор коснулся также Белоруссии и России — последняя была упомянута в контексте глобальной энергетической безопасности». (Петр Гиллер, «Жечпосполита», 10 февр.)
- «На второй день своего визита в Вашингтон Лех Качинский встретился с делегацией Американского еврейского комитета (АЖС) (...) «Президент поблагодарил нас за помощь в протестах против использования американскими СМИ выражения «польские лагеря смерти», — сказал исполнительный директор комитета Дэвид

Харрис. — Это была очень теплая встреча. С господином Качинским мы познакомились, еще когда он был президентом Варшавы. Мы ценим его роль в поддержке проекта музея польских евреев (...) Как раньше, так и после встречи с президентом Качинским мы не сомневаемся в отношении польских властей к антисемитизму. В беседе о международных проблемах (Украине, Иране, победе ХАМАСа на выборах в Палестине) я тоже не заметил существенных различий в наших оценках»». (Мартин Гадзинский и Бартош Венглярчик, «Газета выборча», 11-12 февр.)

- «По оценкам Всемирного банка, Польша развивается все быстрее, но у нее возникают слишком большие трудности с использованием средств, получаемых из бюджета ЕС. Во втором полугодии темп роста нашей экономики ускорился, и по динамике мы опередили Словакию, Чехию и Венгрию». («Жечпосполита», 10 февр.)

- В 1989-2005 гг. рост ВВП составил в Польше 44,1% (в Чехии — 5, в Эстонии — 44,4). В прошлом году уровень безработицы составлял у нас 17,9% (в Чехии — 8, в Эстонии — 7,5), а ВВП на душу населения с учетом покупательной способности — 50 (в Чехии — 72,7, в Эстонии — 55,1). («Ньюсуик-Польша», 29 янв.)

- «Последний период был для польских фирм весьма удачным (...) Их показатели улучшились (...) По данным Главного статистического управления (ГСУ), только в январе уровень продаж повысился в 20 ти из 29 отраслей промышленности. Производители теле- и радиоаппаратуры повысили его на 54%, машин и приборов — на 25, древесины, деревянных изделий и автомобилей—почти на 20%. Несколько быстрее, чем в промышленности в целом, рос уровень продаж в перерабатывающих фирмах, которые много экспортируют (...) За весь прошлый год уровень продаж в промышленности повысился на 4% (...) «По нашим прогнозам, в 2006 г. ВВП увеличится на 4,4%», — сообщил вчера Институт экономических наук ПАН. Прогнозы большинства аналитических институтов схожи: они колеблются между 4,3 и 4,6%». («Жечпосполита», 20 янв.)

- «В 2005 г. стоимость товаров, производимых среднестатистическим поляком в течение часа, составляла почти 20 долларов, т.е. на 7,7% больше, чем годом раньше. За последние 10 лет производительность труда росла в среднем на 5% в год. В прошлом году мы обогнали эстонцев и латышей, которые раньше опережали нас по уровню производительности». («Жечпосполита», 18 янв.)

- По данным ГСУ, в декабре средняя номинальная зарплата составила 2789 злотых. Это на 1,5% больше, чем в тот же период прошлого года, при инфляции 0,7%. В течение декабря цены снизились на 0,2%. ГСУ опубликовало также статистику по занятости. В декабре в Польше было занято в общей сложности 4,7987 млн. человек, т.е. на 2,5% больше, чем в прошлом году. («Газета выборча», 17 янв.)

- «С сегодняшнего дня родители могут подавать заявления о выплате государственных пособий на рождение ребенка. Тысячу злотых на каждого родившегося ребенка получают все родители, независимо от их материального положения. Есть лишь одно условие: ребенок должен родиться не ранее, чем за три месяца до вступления закона в действие». («Жечпосполита», 9 февр.)

- Совокупный государственный долг Польши вырос с 302,1 млрд. злотых в 2001 до 466,3 млрд. в 2005 году. «В период с 2001 по 2005 год государственный долг рос в два раза быстрее, чем ВВП», — говорит министр финансов и вице-премьер Зита Гилёвская. («Газета выборча», 1 февр.)

- «Министр охраны окружающей среды Ян Шишко согласился на отстрел волков в Бещадах (...) Отстрелять четырех волков до 28 февраля должны специально отобранные охотники (...) Решение министра намерены опротестовать организации защиты животных». («Жечпосполита», 21 дек.)

- ««Право и справедливость» (ПиС), «Лига польских семей» и «Самооборона» заключили «стабилизационный пакт», который обеспечивает правительству Казимежа Марцинкевича поддержку парламентского большинства, а опасаящимся досрочных выборов партиям Романа Гертыха и Анджея Леппера — уверенность, что Сейм не будет распущен. Три партии согласовали список, включающий сто с лишним законопроектов, которые они совместно примут (...) В подписании пакта помогло посредничество архиепископа Славоя Лешека Глудзя, а парафирование документа состоялось в присутствии представителей радио «Мария», телевидения «Трвам» и газеты «Наш дзенник» (другие СМИ не были приглашены, в связи с чем большинство журналистов бойкотировало состоявшуюся после этого пресс-конференцию лидеров трех партий). Биржа отреагировала на подписание пакта падением акций и курса злотого». («Тыгодник повшехный», 12 февр.)

- Из заявления пресс-службы Епископской конференции Польши: «В связи с известными событиями, имевшими место во время встречи с журналистами при подписании «стабилизационного пакта», сообщаем, что участвовавшие в них СМИ, связанные с Церковью, не действовали от ее имени. Действия эти не были

консультированы ни с одним уставным органом Епископской конференции Польши». Подписано: свящ. Ежи Клех, пресс-секретарь Епископской конференции Польши. («Газета wyborcza», 6 февр.)

• «Польская автокефальная Православная Церковь подала в Европейский суд по правам человека жалобу, касающуюся методов назначения членов Конституционного суда в нашей стране. Речь идет о том, чтобы в него не могли попасть политики и чиновники, участвовавшие в создании законов, которые они впоследствии будут оценивать. Сейм текущего созыва должен избрать восемь из 15 членов Конституционного суда, а Ярослав Качинский не скрывает, что после этой смены он рассчитывает на решения, более благоприятные для правящего лагеря». («Тыгодник повсехный», 5 февр.)

• Ярослав Качинский, председатель ПиС: «Прежде всего я хочу очистить государство (...) Государство нужно реорганизовать, консолидировать, сделать все, чтобы оно начало работать по-настоящему (...) Мы хотим интенсивно пропагандировать патриотизм (...) Мы хотим, чтобы в Польше возродились ценности, с которыми в последнее время дело обстояло очень плохо: порядочность, честность, традиция, патриотизм, семья (...) Все это смешение добра со злом, возникшее после 1989 года, мы будем исправлять в рамках возможностей демократической власти, которые не слишком велики (...) Во мне есть чистое добро». («Газета wyborcza», 4-5 февр.)

• «Анджей Леппер отправился в Китай (...) Председателя «Самообороны» пригласил Союз коммунистической молодежи (...) Леппер взял с собой в Китай делегацию из 15 человек, в том числе своих ближайших сотрудников (...) и группу симпатизирующих ему предпринимателей (...) В сентябре посетивший Польшу по приглашению «Самообороны» секретарь китайского комсомола Ван Сяо сказал: «Программа председателя Леппера похожа на нашу, коммунистическую». («Газета wyborcza», 17 янв.)

• Согласно опросу ЦИОМа, больше всего поляки доверяют премьер-министру Казимежу Марцинкевичу (68%). Следующие места занимают Збигнев Релига (кардиохирург, министр здравоохранения, 65%) и президент Лех Качинский (64%). Ярослав Качинский и Дональд Туск разделили четвертое-пятое места (53%). («Газета wyborcza», 24 янв.)

• «К председателю «Права и справедливости» Ярославу Качинскому приставлена (...) охрана из Бюро охраны правительства (БОП) (...) Брат [президент Лех Качинский] попросил его принять охрану, так как из-за физического сходства председателя ПиС часто путают с президентом». («Жечпосполита», 16 янв.)

• За кого поляки проголосовали бы в феврале? Согласно опросу ЦИОМа, ПиС набрала бы 34% голосов, «Гражданская платформа» (ГП) — 24, «Самооборона» — 11, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 7, «Лига польских семей» — 5%. В Сейм не вошла бы аграрная партия ПСЛ с 4% голосов. («Газета wyborcza», 11-12 февр.)

• Бывший уполномоченный по правам человека проф. Анджей Цолль: «Основные политические расхождения в сегодняшней Польше не сводятся к озвученной в ходе предвыборной кампании дилемме: либеральное или социальное государство. Истинный спор идет между представителями двух разных философий государства. Согласно первой, государство рассматривается как высшая цель, которой граждане должны служить, рассчитывая взамен на опеку. Согласно второй, государство должно опираться на гражданское общество, в котором граждане сами определяют свои интересы, а государство лишь помогает им в осуществлении их целей. Сегодня в моде первая философия». («Политика», 4 февр.)

• «Мы, нижеподписавшиеся представители юридических кругов, выражаем глубокую обеспокоенность как формой, так и содержанием изменений в уголовном законодательстве и органах правосудия (...) Как язык, так и методы нынешних властей удивительно напоминают времена ПНР (...) Мы не сомневаемся, что наше обращение не повлияет на позицию властей. Однако в сложившейся ситуации наш гражданский долг, вытекающий из общественной роли юриста, — заявить свой решительный протест». Обращение подписали 375 человек, главным образом юристов и студентов юридических факультетов, в т.ч. более ста профессоров. («Газета wyborcza», 11-12 февр.)

• «Резисторы, некогда символ сопротивления и бунта против ПНР, носят со вчерашнего дня в знак протеста нижнесилезские активисты СДЛС (...) По словам пресс-секретаря нижнесилезского СДЛС Мацея Грабовского, акция началась в Нижней Силезии, но есть сигналы, что к ней присоединяются и другие регионы Польши, а на улицах появляется все больше людей с резисторами. «Мы не можем смириться с тем, что делает ПиС — партия, которая, как выяснилось, любит силу и делает на нее ставку; партия, чьи действия приближают нас к тоталитарной системе, к государству, где учреждения будут не только контролировать граждан, но и говорить им, что они должны думать», — сказал Грабовский». («Жечпосполита», 7 февр.)

- Мирослав Спыхальский, в 80-е годы деятель студенческой оппозиции, ныне журналист: «Советую товарищам из СДЛС вспомнить, что? они делали с людьми, носившими такие резисторы 20 лет назад». Корнель Моравецкий, лидер «Борющейся Солидарности»: «Во время военного положения людей за такой символ сажали. Не хватает еще, чтобы СДЛС ушел в подполье». («Газета wyborcza», 7 февр.)
- «Исследования, проведенные в 2004-2005 гг., показывают, что 17% телезрителей в возрасте от 15 до 65 лет испытывают дискомфорт, когда телевизор выключен (...) Такие люди смотрят телевизор во время еды, уборки, готовки и даже чтения». («Газета wyborcza», 26 янв.)
- «Пустой трамвай, подобный тем, что ездили по варшавскому гетто в начале 40-х годов, колесил в пятницу по улицам столицы, останавливаясь только на одной остановке: Умшлагплац, запасный путь, с которого сотни тысяч евреев были отправлены в немецкий лагерь смерти Трешлинка. Вместо номера на нем была звезда Давида, а голубой свет, горевший внутри, усиливал впечатление пустоты, оставшейся после исчезновения народа, который пал жертвой Катастрофы (...) В четыре часа дня во многих окнах зажглись свечи. Выставить их в знак памяти призвали поляков примас Юзеф Глемп и митрополит Краковский архиепископ Станислав Дзивиш (...) В Биркенау премьер-министр Казимеж Марцинкевич возложил венки к развалинам четырех газовых камер, в которых погибло около миллиона жертв Катастрофы». («Жечпосполита», 28-29 янв.)
- «Нельзя допустить, чтобы антисемитизм отягощал нашу совесть и отравлял наши сердца», — написал президент Лех Качинский в письме, зачитанном перед варшавским памятником Героям гетто. Вчера Польша вместе со всем миром впервые отмечала Международный день памяти о Катастрофе, который приходится на 27 января — годовщину освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау. В этом году все мероприятия были перенесены на один день, так как в пятницу начинается шабат». («Жечпосполита», 27 янв.)
- «В Кельце, в том месте, где во время погрома 1946 г. погибли 40 евреев, открылась мемориальная доска со словами молитвы Иоанна Павла II, оставленной в расщелине иерусалимской Стены плача в марте 2000 года. Надпись на польском и иврите гласит: «Мы глубоко опечалены действиями тех, кто на протяжении истории причинял страдания детям Твоим, и, моля Тебя о прощении, желаем установления истинного братства с народом Завета». Мемориальную доску открыли епископ Келецкий Казимеж Рычан и представитель посольства Израиля Яков Финкельштейн». («Жечпосполита», 19 янв.)
- «Свидетельствует Лех Валенса. Больше двух часов давал показания бывший президент на беатификационном процессе Папы Иоанна Павла II (...) «Я не скажу, какие вопросы мне задавали, что я отвечал, а также где и когда состоялась встреча (...) Повторю лишь то, что я уже неоднократно говорил: Иоанн Павел II был святым человеком. Он был ниспослан [нам] на трудные времена. Он вдохнул в поляков и другие народы дух свободы. Без него не рухнул бы коммунизм, без него не появилась бы так быстро объединенная Европа». (...) Ранее на вопросы беатификационного трибунала уже отвечал Александр Квасневский. Просьба дать свидетельские показания направлена также генералу Войцеху Ярузельскому и Тадеушу Мазовецкому». («Жечпосполита», 21-22 янв.)
- Президент Александр Квасневский наградил группу православных и экуменических деятелей за заслуги в деле развития и пропаганды православной культуры. Церемония награждения состоялась 27 ноября в Центре православной культуры. Офицерскими, кавалерскими, золотыми и серебряными крестами ордена Заслуги награждены семь человек». («Пшегленд православный», январь)
- «Выступление кандидата в президенты от объединенной белорусской оппозиции Александра Милинкевича в польском Сейме и его встречи с высшими представителями нашего государства — событие необычайно важное. Это знак солидарности не только с самим кандидатом в президенты, которому после выборов могут грозить репрессии и даже тюрьма, но и с Белоруссией. С той Белоруссией, которую он представляет: независимой, демократической, честной и дружественной по отношению к Польше». (Лукаш Адамский, «Газета wyborcza», 26 янв.)
- «Благодаря лоббированию польских евродепутатов (...) Александр Милинкевич нанес визит в Брюссель, где встретился, в частности, с Жозе Мануэлем Баррозу и Хавьером Соланой». («Тыгодник повсехный», 12 февр.)
- «Белорусские СМИ развернули антипольскую кампанию. Они обвиняют дипломатов и журналистов из Польши в шпионской деятельности». («Тыгодник повсехный», 19 февр.)
- Сейм постановил: «Организации, поддерживающие демократические процессы на Украине и в Белоруссии, получают из государственного бюджета 80 млн. злотых». («Газета wyborcza», 26 янв.)

- Даниэль Бовуа, директор Центра истории славян в Сорбонне, автор изданной недавно в польском переводе книги «Украинский треугольник: шляхта, царизм и народ на Волыни, Подолье и Киевщине. 1793-1914»: «Польское присутствие на Украине было гораздо более продолжительным, чем французское в Алжире, однако это не меняет того факта, что крепостная зависимость украинских крестьян была близка к рабству. Отношения усадьбы с деревней были такими же жестокими, как на американских хлопковых плантациях, на французской Мартинике или где-нибудь в Африке. Это было нечто ужасное (...) Все это весьма прискорбно. Но зачем закрывать на это глаза? Мы говорим об открытом обществе, и история тоже должна быть открытой (...) Теперь мы живем в общей Европе и должны говорить друг другу правду (...) Во время «оранжевой революции» Польша проявила себя великолепно! Многочисленные группы поляков на Майдане — это было нечто неслыханное. Вы дали пример всей Европе. Но в этом великом всплеске симпатии не следует забывать о том, что было. Впервые за многие века между поляками и украинцами устанавливаются искренние и открытые отношения. Надеюсь, что теперь так будет всегда (...) Мечта Гедройца об истинном украинско-польско-русском диалоге еще очень далека от осуществления». («Газета wyborcza», 28-29 янв.)
- «Россия снова обвиняет Украину в краже газа, предназначенного для Европы (...) Российский министр энергетики Виктор Христенко (...) призвал украинцев не греться за счет соседей, «тем более за счет близкой и родной Польши, которая замерзает»». («Газета wyborcza», 26 янв.)
- «Поляки и русские — это фактически одна семья, — сказал президент Владимир Путин на ежегодной пресс-конференции. — У нас общая колыбель. Мы никогда не забываем об этом и относимся к Польше с огромным уважением за ее вклад в мировую культуру, за ее вклад в мировую экономику, за ее вклад в сегодняшние дела в Европе и в мире». Путин назвал поляков и русских «близкими родственниками» и заметил, что, как всегда бывает между родственниками, в истории наших взаимоотношений было много проблем, начиная с захвата поляками Кремля в XVII веке. Он признал, что и сейчас в обоих обществах есть взаимное недоверие (...) Затем российский президент выразил надежду, что в России и Польше возобладают политические силы, которые будут смотреть в будущее, основываясь на положительном историческом опыте обеих стран. «Это не только вполне возможно, это необходимо как для Польши, так и для России», — сказал Путин. В заключение он еще раз выразил соболезнования в связи с катастрофой в Силезии: «Мы вместе с вами скорбим по жертвам. Я хочу, чтобы поляки знали об этом»». («Жечпосполита», 1 февр.)
- «Нет объективных причин для того, чтобы польско-российские отношения были плохими», — заявил вчера президент [Лех Качинский]. И сообщил, что он готов встретиться с российским лидером в любом месте, кроме Москвы (...) До сих пор Путин был в Польше всего два раза, т.е. в несколько раз меньше, чем Александр Квасневский в России». По мнению независимого эксперта Бартомея Сенкевича, Путин, вероятно, считал, что плохие взаимоотношения с Польшей вредят России, так как Варшава успешно влияет на восточную политику Евросоюза. («Жечпосполита», 19 февр.)
- Проф. Ежи Помяновский: «Среди 164 законов, которые должен принять Сейм, невозможно найти такой, который открывал бы путь активной восточной политике, особенно в отношении Украины. Первым политиком, обратившим внимание на этот поразительный недочет, был президент России Путин. Ибо что же еще могло склонить его высказать несколько доброжелательных слов по адресу Польши?». («Тыгодник повсехный», 19 февр.)
- «Согласно проведенному в декабре 2005 г. опросу ЦИОМа, все больше поляков придерживаются мнения, что Россия стремится восстановить свое имперское влияние в нашем регионе. Так считают 60% опрошенных. 20% не согласны с этим утверждением, а остальные 20% затрудняются с ответом. По сравнению с 2004 г. уверенность в российских амбициях увеличилась на 12% (...) Поляки оценивают будущее польско-российских отношений пессимистически. На их быстрое улучшение рассчитывает только каждый четвертый опрошенный. Зато каждый пятый ожидает ухудшения». («Политика», 11 февр.)
- «Наталья Хофманн-Дельбор (урожденная Жердева, родилась в Тамбове) прожила всего 51 год. Последние шесть лет ее домом была Варшава. Однако она не дождалась срока, когда президент Польши должен был рассмотреть ее заявление о предоставлении польского гражданства. Она любила Польшу и своего мужа-поляка. В Варшаве она нашла спокойствие, понимание, заботу и размеренную жизнь. Она всегда подчеркивала, что ни от кого в Польше ни разу не услышала дурного слова по поводу ее восточного акцента (...) Всю свою взрослую жизнь она прожила в Москве: там выучилась на инженера, там же родились и ее сыновья — Павел и Вадим (...) Вадим окончил электротехнический факультет Варшавского политехнического института, планирует поступать в аспирантуру (...) Чувствуя близкий конец своего пути, Наталья просила меня попрощаться от ее имени с ее московской семьей и с теми, кто пришел сегодня на ее похороны на Вольское православное кладбище. С мамой Таисией, с братом Евгением, с сыновьями (...) Осиротевший муж Агенор». («Газета wyborcza», 7 февр.)

- «Петр Наимский, уполномоченный правительства по делам диверсификации поставок энергоносителей, представил в Сейме отчет о шагах правительства, направленных на обеспечение Польше поставок нероссийских нефти и газа. Внести предложение о представлении такого отчета депутатов склонило недавнее ограничение поставок газа промышленным предприятиям». («Газета wyborча», 27 янв.)
- «Польша присоединилась к натовской программе NARMO, в рамках которой используются самолеты дальнего радиолокационного обнаружения АВАКС». («Жечпосполита», 2 февр.)
- «Публикация в субботней «Жечпосполитой» двух [датских] карикатур на Магомета вызвала в Польше жаркие споры. Наше решение подвергли критике премьер-министр и министр иностранных дел, а также представители Церкви. Получили мы и письма поддержки (...) Наше решение было протестом против покушения на одно из основных прав свободного мира — право на свободу высказывания». (Кшиштоф Готтсман, «Жечпосполита», 6 февр.)
- Министр национальной обороны Радослав Сикорский: «Правительство знало о планируемой публикации карикатур на Магомета в субботней «Жечпосполитой» еще в пятницу днем и предупредило об этом все польские воинские части, находящиеся за пределами страны, (...) чтобы наши военные представительства и контингенты были в безопасности». («Жечпосполита», 7 февр.)
- «Министр иностранных дел Стефан Меллер выступил с заявлением, в котором, в частности, сказал: «От имени министерства иностранных дел и правительства Республики Польша хочу принести извинения приверженцам Магомета» (...) Реакция правительства была обусловлена отчасти тем, что в его руках находятся 49% акций издателя «Жечпосполитой» и в арабском мире его могут воспринимать как владельца газеты (...) «Не следует падать на колени, если на то нет причин», — считает бывший министр иностранных дел Бронислав Геремек, замечая, что свобода печати — вопрос очень важный, и «государство не должно в него вмешиваться». («Газета wyborча», 6 февр.)
- «Премьер-министр Казимеж Марцинкевич направил премьер-министру Дании Андерсу Фогу Расмуссену письмо. В нем польский премьер выражает сочувствие в связи с «трудной ситуацией», в которой оказалась Дания (первой карикатуры на Магомета опубликовала датская газета «Юлландс-Постен»). «ЕС должен в самое ближайшее время выразить свою солидарность с Данией и другими странами, ставшими объектами недопустимых актов насилия и угроз мести со стороны радикальных мусульманских группировок», — написал Марцинкевич». («Жечпосполита», 8 февр.)
- «Мысленицкая полиция заинтересовалась искусством сразу же после заявления, поданного тремя гражданами, которые почувствовали себя оскорбленными экспозицией в галерее искусств «Сообщество Мысленице». Их возмутила открывшаяся 17 января выставка фотографий Богны Бехер «Городские портреты. Фотографии граффити» (...) На первой из спорных фотографий представлена Богородица с рогами, окруженная нимбом из звездочек ЕС. На второй — Христос Милосердный, держащий в одной руке мобильный телефон, а в другой бумажный пакет с надписью «Потребительство — опиум для масс» (...) Полицейские из оперативно-следственного отдела (...) забрали оба экспоната (...) и ушли, оставив протокол изъятия вещественных доказательств». («Газета wyborча», 6 февр.)
- «Из года в год растет число поляков, осужденных за убийство животных или жестокое обращение с ними. В 2005 г. польские суды вынесли 127 подобных приговоров (...) Жестокое обращение с животными подлежит наказанию денежным штрафом, ограничением свободы или лишением свободы до двух лет. Суд может также конфисковать животное и передать его общественной организации. Кроме того, иногда суд приговаривает правонарушителей к пожертвованию от 25 до 2500 злотых на цели, связанные с защитой животных». (Дариуш Падо, «Котье sprawy» (Кошачьи дела), февраль)
- Станислав Лем: «Главным моим занятием на прошлой неделе было наблюдение за печальным (по крайней мере для меня) приключением кита-бутылконоса, который заблудился по дороге из Атлантического океана в Северное море, заплыл в воды Темзы и доплыл аж до Лондона, расположенного в 60 км от устья реки! Англичане приложили все усилия, чтобы спасти его (...) Однако кит умер почти в самом конце пути. Пока я наблюдал за этой историей по немецкому телевидению, у меня полностью вылетели из головы наши польские политические перипетии. Я был занят судьбой кита, и у меня не было времени узнавать, что происходит в стране». («Тыгодник повсехный», 5 февр.)

2: ЦЕРКОВЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ (1945-1990)

История Церкви в коммунистических странах еще не изучена досконально. Она вызывает в памяти те весьма отдаленные времена, когда непростые отношения между светской властью государства и духовной властью Церкви еще не установились. Одновременно это история новейшего времени, когда Церковь как учреждение и как народ Божий вступила в конфликт с такими изобретениями XX века, как тоталитарная идеология, идеократический режим, партия-государство. Новизна коммунистического режима, затруднявшая его понимание, была, конечно, не единственной проблемой. Коммунистический режим был смертельным врагом Церкви и действовал на ее собственной территории — в области веры и верований, обряженных для вящей путаницы в ризы небезызвестного «научного мировоззрения».

1945 год. Итогом немецкой оккупации были величайшие человеческие потери. Церковь потеряла две тысячи священников и шесть епископов, в некоторых епархиях по сравнению с довоенным временем не хватало 40% духовенства. Польшу передвинули на 200 км на запад, и население, покинувшее оставшиеся под советской оккупацией восточные земли, искало убежища на западных землях, отнятых у Германии. В результате передела границ, Катастрофы и массовых миграций Польша стала с этнической и религиозной точки зрения почти однородной страной. Старые «крупные меньшинства» — православные и евреи — сильно сократились. До войны католиками считали себя 65% польского населения, после войны — 90%.

То, что Церковь разделяла страдания народа, помогала гонимым и сопротивляющимся, способствовало росту ее авторитета. Коммунисты, устанавливавшие свою власть в стране, знали об этом и в первые два года не нападали на Церковь как таковую. Но и до 1947 г. около 60 священников были арестованы и осуждены за помощь антикоммунистическому сопротивлению, а цензура стала налагать запрет на официальные коммуникации епископата и хозяйничать на страницах католической прессы. Коммунисты грубо извратили результаты первых парламентских выборов 1947 года, на которых против компартии выступала крестьянская партия. Церковь не осудила фальсификацию открыто, опасаясь жестоких ответных действий со стороны компартии, но, несмотря на сильнейшее политическое и полицейское давление, все же не одобрила и не поддержала своим авторитетом результаты выборов. Такой тип поведения стал образцом стратегии, которую в 40-е гг., вплоть до 1953 г., проводил епископат под управлением нового Примааса — епископа, а с 1953 г. кардинала Стефана Вышинского, сыгравшего решающую роль не только в истории Церкви, но и в истории Польши второй половины XX века. Это была стратегия продуманных уступок, терпеливая и осторожная игра ради выигрыша времени.

Организованная борьба с Церковью началась где-то в конце 1947 года. На совещании руководителей V отдела министерства общественной безопасности, который занимался Церковью, начальник отдела Бристингерова изложила в своей речи основные линии борьбы против Церкви, которые остались в силе даже тогда, когда самый суровый сталинский период закончился. Приведу некоторые знаменательные отрывки:

«Наша оперативная работа должна преследовать следующие цели:

— пополнять информацию об участии священников в сопротивлении — еще весьма значительном;

— проникать в церковные организации на местах: в епархии, деканатские советы и такие епархиальные организации, как «Caritas» [«Милосердие», организация, занимавшаяся благотворительностью];

— надо отказаться от мысли, что в монастыри проникнуть невозможно. Не надо капитулировать перед трудностями. Надо пробиться с помощью управляющих делами монастырей, поставщиков, нищих и т.п.;

— надо досконально знать материальную сторону жизни духовенства и хорошо разведать отношения в среде духовенства на всех уровнях, чтобы проникнуть в эти круги и, что самое важное, чтобы оказывать давление в соответствующем направлении;

— категорически и безусловно не допускать вмешательства духовенства и католических организаций в жизнь рабочих;

— бороться с влиянием духовенства в молодежных организациях, особенно среди харцеров [скаутов];

— пополнять информацию о священниках в школах с помощью школьной агентуры;

— организовать сеть агентов и секретных сотрудников среди паломников, нищих, мелких торговцев на благотворительных ярмарках;

— остановить рост католической прессы, сеющей вражеский дух и организующей реакционные элементы;

— сохранять осторожность и ответственность в использовании репрессивных мер против духовенства. Об арестах и других профилактических и репрессивных мерах следует извещать министерство».

К концу 40-х Церковью занимались две тысячи оперативников, четыре тысячи сексотов и агентов военной разведки. В 1948 г. уже 400 священников находились за решеткой.

Хорошим пропагандистским оружием стал вопрос об организации Церкви на бывших немецких землях. В 1945 г. Ватикан позволил польскому епископату создавать на этих землях апостольские администрации (церковные управления), отложив учреждение епархий до окончательного соглашения о границах между Польшей и Германией. В Потсдамском договоре говорилось лишь, что, пока западная граница Польши не определена окончательно, бывшие германские территории будут подконтрольны польскому государству. Коммунисты требовали, чтобы Церковь незамедлительно учредила на этих землях епархии, и отказ Ватикана представляли как доказательство германофилии, а значит, антипольских настроений как Ватикана, так и польской Церкви. Церковь обвиняли в стремлении «пересмотреть» границы в пользу Германии. Епископат эффективно защищался, используя главным образом чтение обращений в костелах.

Другая форма давления была введена в действие с непосредственной подачи Сталина. Болеслав Берут, коммунистический президент ПНР, записал в своей записной книжке слова, с которыми Сталин обратился к нему во время визита в Москву в 1949 г.: «У вас ничего не выйдет, пока вы не осуществите раскол духовенства на две различных, противостоящих друг другу группы... пропаганда необходима, но недостаточна... без этого раскола у вас не будет шансов на успех...» Согласно этим указаниям, было создано так называемое движение священников-патриотов, а также параллельная «Комиссия священников», в которой приняла активное участие псевдокатолическая организация «Пакс» во главе с Болеславом Пясецким, бывшим вождем «Фаланги» (фашистского движения 30-х годов). Коммунистические спецслужбы сумели привлечь в ряды «священников-патриотов» больше тысячи человек, то есть около 10% польского духовенства. В начале 1950 г. был произведен первый арест епископа.

В этой ситуации Примас решил подписать соглашение между Церковью и государством, к тому времени обсуждавшееся уже два года. Глава польской Церкви видел, как дорого стоило бескомпромиссное поведение кардинала Миндсенти в Венгрии, и не хотел подвергать столь жестоким испытаниям ни Церковь, ни польское общество. По соглашению, епископат обязался, в частности, учить паству уважать государственную власть, требовать от священников, чтобы они не сопротивлялись коллективизации в деревне, а также «бороться с преступной деятельностью подпольных банд». Последняя формулировка касалась еще действовавшего антикоммунистического сопротивления и была исключительно болезненно воспринята не только епископами, но и большинством польских католиков. Со своей стороны, правительство обещало сохранить уроки Закона Божия в школах и не запрещать деятельность католических школ, университета, прессы и объединений.

Кажется, подписание этого соглашения действительно отдалило самые жестокие преследования. Но коммунисты нисколько не собирались соблюдать его. Они продолжали под разными предлогами изгонять из школ учителей Закона Божия и закрывать католические школы. В 1951 г. начались процессы по обвинению в шпионаже в пользу «американского империализма». Среди жертв — келецкий епископ Качмарек, который под пытками подписал ложные признания, несколько месяцев спустя — два епископа и пять священников Краковской епархии, трое из которых были приговорены к смертной казни, один — к пожизненному заключению. В том же году власти изгнали с бывших немецких земель апостольских администраторов, заменив их «священниками-патриотами» в качестве капитулярных викариев. Немного позже были закрыты начальные семинарии. В конце концов в феврале 1953 г. Госсовет издал указ о постах и назначениях в Церкви, по которому светской власти в одностороннем порядке предоставлялся полный контроль над внутренней организацией Церкви. Тут епископы выступили с открытым протестом. Они отвергли указ в послании президенту, которое заканчивалось ставшими знаменитыми словами «Нельзя принести Божие на алтарь кесаря. Non possumus!» Четыре месяца спустя кардинал Вышинский был арестован и интернирован.

Годы с 1953-го по 1956-й — самые мрачные в послевоенной истории польской Церкви. Обезглавленный и напуганный после ареста Примаса, епископат политически капитулировал, принял диктат власти. Правда, многие епископы осуществляли пассивное сопротивление, как можно дольше оттягивая исполнение требований власти о назначениях внутри Церкви. Злоупотреблениям тоталитарной власти сопротивлялись главным образом рядовые священники, отказываясь, к примеру, зачитывать в костелах верноподданнические декларации епископата и поддерживая тесную связь с народом.

Доклад Хрущева на XX съезде КПСС и частичное раскрытие преступлений Сталина и коммунистической системы вызвали политическую оттепель. В Польше она привела к власти Гомулку, верного коммуниста, который, однако же, не избежал сталинских застенков, и к резким переменам октября 1956 го. Освобождению

Примаса предшествовало множество народных демонстраций в его защиту. Некоторые решения, принятые властями в предыдущее десятилетие, были отменены, в том числе и указ о назначениях внутри Церкви. Были восстановлены элементарные условия автономии Церкви, позволяющие ей осуществлять свою миссию. Священники и епископы освобождались из тюрем и — иногда не без трудностей — восстанавливались в своих функциях. Кардинал Вышинский вышел из-под ареста с гигантским проектом пастырской деятельности, который он разработал в заключении. Этот проект был рассчитан на девять лет подготовки к тысячелетию крещения Польши, которое праздновалось в 1966 году.

Появлялись новые религиозные организации, особенно группы пастырского окормления и молитвенные группы. Был создан ряд клубов католической интеллигенции — пять из них в конце концов получили разрешение на существование. С благословения Примаса пять независимых католических депутатов создали парламентскую группу «Знак». По числу входящих в нее депутатов эта группа играла чисто символическую роль, но она старалась выражать нужды католического большинства народа, быть его голосом в Сейме, где господствовали коммунисты.

Медовый месяц оказался коротким. Растерянность, вызванная в рядах коммунистов ограниченной десталинизацией и борьбой партийных фракций, продолжалась недолго. В конце 50-х были приняты новые антирелигиозные и антиклерикальные меры. Государственные власти опубликовали свою собственную программу празднования тысячелетия крещения Польши, которая должна была отвлечь внимание от религиозной программы Примаса. Антирелигиозная пропаганда шла в полную силу. Ужесточалась цензура. В 1957 г. цензура вмешалась в деятельность «Тыгодника повсехного» 116 раз, в 1958 м — 224, в 1959 м — 395, то есть каждый год количество цензурных запретов почти удваивалось. В 1958 г. Институт национальных обетов на Ясной Горе, который размножал на ротаторе неподцензурные религиозные тексты, подвергся жестокому нападению полиции. Операция по снятию распятий в школах вызвала бурные протесты общественности, волнения, за которыми последовали многочисленные аресты. Религия была изгнана из школ, в ответ на что Церковь организовала преподавание Закона Божия в костелах, приходских помещениях и монастырях. Депутаты «Знака» выступили против этого насильственного обмирщения, что привело к административному ограничению тиража «Тыгодника повсехного» до очень скромных размеров. Было запрещено строить новые церкви. В 1959 г. министр по делам культов Штахельский направил секретарю ЦК ПОРП заметки по поводу нового периода в борьбе против Церкви:

«1. Умалчивать, как если бы она не существовала. 2. Лишать перспектив развития и труда. 3. Снижать авторитет и повсюду, где возможно, высмеивать. 4. Срывать маску — раскрывать настоящие цели Церкви. 5. Нажать на обмирщение...» и т.д.

Запрет на строительство новых храмов спровоцировал протесты и демонстрации, даже мятежи во многих местах, прежде всего в новых рабочих городах. Это было для компартии особенно болезненным, противореча идеологическим посылкам о поведении рабочего класса. Самый громкий конфликт разыгрался в Новой Гуте — промышленном и рабочем образцовом городе, который считался прообразом «светлого будущего»,

В начале 60-х была возобновлена деятельность «священников-патриотов», организационным ядром которых была остававшаяся в руках государства организация «Caritas». Множились проверки в семинариях: в одном только 1960 г. в ходе проверок в монастырях и семинариях из библиотек было изъято 12 тысяч книг. Духовенство и особенно епископы находились под бдительным надзором тайной полиции. Их часто вызывали на допросы, чтобы запугать слабейших и расколоть единство епископов. Вновь запретили ряд пастырских организаций и групп, паломничества стали подвергать строгому регламентированию. За духовными объединениями молодежи, особенно студенчества, следили крайне внимательно, к их участникам придирались по поводу и без повода. Власти старались положить конец всем «нетрадиционным» проявлениям культа — таким как религиозные спектакли в костелах, духовное отшельничество, лекции по подготовке к браку. Их организаторов вызывали в административные суды, налагая штрафы. Иногда — в очень крупных размерах. Все церковные здания на бывших немецких землях (кроме самих храмов) были национализированы. Духовенство облагали неподъемными налогами, а их неуплата служила поводом для финансовых проверок, обысков и конфискации движимого имущества. У некоторых епископов ставили прослушивающую аппаратуру. В Перемышльской епархии ее находили даже 15 лет спустя. Сплетни, анонимные письма и клевета были повседневным оружием государственных служб против Церкви. На открытии II Ватиканского собора присутствовали только две трети польской делегации, потому что нескольким епископам не выдали заграничных паспортов.

К концу собора, совпавшему с тысячелетием крещения Польши, польские епископы направили послания епископам других стран. Особенно важным было послание немецким епископам. В последних фразах содержались слова, в которых выражался весь дух послания: «Мы стремимся забыть. Хватит полемики, хватит

«холодной войны», надо возобновлять диалог. Мы протягиваем вам руку, мы прощаем и просим у вас прощения». Это пророческое послание, которое впоследствии очень способствовало польско-немецкому примирению, в 1965 г. шокировало часть польской католической общественности и вызвало невероятно злобные нападки коммунистов. Вся официальная пресса повторяла обвинения в «национальной измене», и поначалу это нашло отклик в немалой части общества.

Тысячелетие крещения Польши было важным событием в жизни страны. В его центре была Ченстохова. Его не заглушили официальные празднества, устроенные по случаю тысячелетия польскими властями, конкурировавшими с Церковью. Во время торжественной мессы в Ченстохове пустое кресло у алтаря символизировало духовное присутствие Папы Римского Павла VI, приезде которого воспрепятствовали коммунистические власти. В некоторых местах — в частности, в Кракове и Варшаве — полиция старалась помешать празднествам, что вызвало волнения. В целом за 60-70-е годы несколько десятков тысяч человек подверглись задержаниям и штрафам, а более тысячи получили тюремные сроки до пяти лет лишения свободы за действия в защиту Церкви.

В марте 1968 г. под влиянием Пражской весны и растущего сопротивления студентов и интеллигентов злоупотреблениям цензуры студенты вышли на улицы, и их демонстрации были жестоко подавлены. Церковь пыталась удержать молодежь от демонстраций, но одновременно епископат направил премьер-министру письмо с требованием освободить студентов из тюрем, положить конец репрессиям и дать правдивую информацию о событиях. Депутаты «Знака» выступили с протестом в Сейме, спровоцировав резкую реакцию власти. «Антисионистская кампания», последовавшая за мартовскими демонстрациями, не вызвала отклика Церкви, которая рассматривала ее как часть борьбы между разными фракциями компартии.

Во время рабочего восстания в Гданьске в 1970 г., когда несколько десятков человек были убиты, Церковь тоже вела себя осторожно, не желая способствовать обострению конфликта. Депутаты «Знака» попытались создать парламентскую комиссию по расследованию сути и хода событий, но безуспешно. Двое из них, Тадеуш Мазовецкий и Константы Лубенский, провели расследование в частном порядке.

70-е годы были временем постоянного роста авторитета Церкви. Кардинал Вышинский все больше и больше говорил на языке прав человека. По стране распространялся первый самиздат — тексты его проповедей, произнесенных в варшавском костеле св. Креста. В них кардинал говорил о свободе претворения в жизнь нравственных ценностей, о достоинстве человека в экономической сфере, о свободе культа, объединений и о праве на защиту своих прав. Коммунистические власти пытались вести политику сношений с Ватиканом через голову Примааса, но тщетно. Круги людей, близких к «Знаку», стали в 70-х годах местом встречи католических интеллигентов с интеллигентами-агностиками, зачастую бывшими коммунистами, которые сначала стали «ревизионистами», а потом, потеряв в 1968 и 1970 гг. последние иллюзии, — антикоммунистами. Круги «Знака» способствовали организации антикоммунистической оппозиции, поддерживая прямые связи с членами КОРа (Комитета защиты рабочих), основанного в 1976 году. 1976 год стал также годом конца парламентской группы «Знак» — после кризиса, к которому привело принятие навязанных властями поправок к конституции, куда в качестве конституционного принципа ввели дружбу с Советским Союзом. В конце 70-х не только многие священники, но и епископы, включая кардинала Вышинского, поддерживали личные контакты с членами нарождающейся оппозиции. В Кракове после убийства агентами тайной полиции студента, сотрудничавшего с КОРом, был создан Комитет студенческой солидарности, в который вошли главным образом активные члены студенческого объединения, получавшего пастырское окормление у доминиканцев. Кардинал Кароль Войтыла приглашал к себе этих молодых людей, чтобы обсудить с ними их планы и надежды.

Избрание Войтылы Папой Римским в 1978 г. стало событием исторического значения, ускорившим процесс развала коммунизма, прежде всего в Польше, но не в ней одной. Первый приезд Иоанна-Павла II в страну стал событием, вызвавшим катарсис. Повсюду его сопровождали огромные толпы. Люди вновь обрели чувство общности. В твердых словах Войтылы поляки увидели возвышенное и облагороженное выражение собственных чаяний и настроений. И нет ничего удивительного, что профсоюз «Солидарность», появившийся на свет в результате забастовок в Гданьске и Щецине год спустя после паломничества Папы в Польшу, столь обильно использовал христианские ценности и образы. Церковь поддержала идею этой «самоограничивающейся революции». Крупными событиями 1981 г. стали покушение на Папу с последовавшими демонстрациями и молебнами и смерть кардинала Вышинского, ознаменовавшая конец эпохи.

После объявления военного положения 13 декабря 1981 г. Церковь опасалась массовых расправ. Примас Глемп и другие призывали к спокойствию. Во всех епархиях были созданы комитеты помощи заключенным и их семьям — речь шла не только о материальной и духовной, но также о юридической помощи. Паломничества Иоанна Павла II в 1983 и 1987 гг. стали для всего общества, а не только для католиков, замечательными «вливаниями»

надежды. В эти годы Церковь стала крупным центром культурной жизни, открытым для всех подлинных ценностей.

В этот период Церковь стала также хранительницей коллективной памяти и источником символов, которые общественное воображение обильно заимствовало. В этой символике стихийно сочетались патриотические и религиозные элементы, отсылающие к событиям XIX века, эпохи разделов Польши, восстаний и польского романтизма. Десятилетие 80 х стало временем «всплеска памяти» (Б.Бачко), результатом которого стал невероятный всплеск символики. Памятники кровавым событиям в Гданьске, Гдыне и Познани и молебны, служившие при открытии этих памятников, обозначили учреждение нового, «истинного» порядка внутри извращенного, лживого времени и исковерканного пространства. Возвращение распятий на заводы и в школы несло тот же смысл. Колокольни новых костелов символически знаменовали отвоеванное пространство. Знамена «Солидарности», иконография которых была полна отсылок к знаменам польских восстаний, а также к хоругвям, использующимся при религиозных шествиях, благословлялись в костелах. После объявления военного положения эти знамена были торжественно перенесены в храмы.

Приходы стали центрами распределения лекарств и прочей благотворительной помощи, доставлявшейся автоколоннами с Запада. Они везли также ротаторы, бумагу и типографскую краску, которые были необходимы для создания сети «подпольной» общественной информации — ограниченной, но правдивой. Молебны за отчизну стали событиями, привлекающими множество верующих. Не раз эти молебны (несмотря на призывы священников) выливались в уличные демонстрации, разгоняемые полицией. Епископы и большинство священников не принимали непосредственного участия в действиях, которые могли быть оценены как чисто политические. Они предоставляли помещения для независимой культурной деятельности. Но было несколько отважных, политически ангажированных священников, которые пошли дальше. Один из самых известных — Ежи Попелушко. Этот молодой человек, скромный, застенчивый и молчаливый, нес духовную поддержку поставленной вне закона «Солидарности» в Варшаве и ее окрестностях. Он произносил впечатляющие проповеди и был убит офицерами госбезопасности в 1984 году. Его смерть и последовавший суд над убийцами были, возможно, главными событиями десятилетия.

Церковь помогла нам сохранить чувство свободы, жажду свободы, надежду на свободу. Церковь создала пространство свободы, которое невероятно контрастировало с тяжелой атмосферой окружающего мира. Она непрестанно напоминала нам, что человек призван быть свободным, а это неизбежно приводило к мысли о том, что свобода должна получить свое мирское выражение в политическом устройстве.

Сокращенный перевод с французского оригинала

3: МУЧИТЕЛЬНАЯ ПРИВИЛЕГИЯ БЫТЬ НЕ ТАКИМ ГЛУПЫМ

Мы встречаемся в краковском ресторанчике «Каса Сусана», где хозяйничает жена Славомира Мрожека, в связи с выходом из печати альбома фотографий Мрожека, сделанных Анджеем Новаковским. Новаковский фотографирует старого, уходящего Мрожека. Каждый снимок сопровождается комментарием писателя. Слова звучат с силой, как признания. Они удивляют у человека, который избегает говорить о себе. Этот альбом — по всей вероятности, самая личная книга Славомира Мрожека.

Славомир Мрожек: Что мы сегодня, собственно, собираемся делать?

— Беседовать об альбоме, который вы с Анджеем сделали.

С.М.: Я был только объектом, так что не произнесу ни слова.

— Нравится ли вам тот смысл, который породило соединение снимков с цитатами из ваших текстов?

С.М.: Да. Иначе я не дал бы согласия на публикацию.

— По-моему, то, видим мы на снимке лицо или маску, зависит вовсе не от возраста, а от глаза фотографа и открытости модели. Кроме того, каждый хотел бы выйти на снимке получше — может, даже красивее, чем в действительности.

С.М.: Смотря кто. Я думаю, это вопрос возраста. Со временем нам становится безразлично, как мы выглядим. Я прежде всего профессионал. Но мне хотелось бы обратить внимание, что пан Анджей сделал больше трех тысяч снимков. Так что выбирать было из чего.

— На одной из фотографий вы подставляете объективу голову. На ней видны пятна, выцветшая кожа — признаки старости. Я знаю, что Анджей подумывал, не подретушировать ли этот снимок.

С.М.: Я был абсолютно против. Зачем? Я должен мириться с тем, как я выгляжу и на гораздо худших снимках.

— Вы когда-нибудь придавали значение тому, как выглядите?

С.М.: Разумеется, придавал.

— Чеслав Милош в беседе со мной говорил, что перестал смотреться в зеркало, когда вместо своего лица обнаружил отражение старой обезьяны. Старость была для него освобождением от пут телесности.

С.М.: Чеслав Милош так говорил?

— Вот вы смеетесь. Но раз уж мы говорим о Милоше, то старость принесла ему еще одну вещь: уверенность, что в жизни доброта важнее искусства.

С.М.: Это чистая правда. «У меня умирают люди, пока я у них не умру»

— Вы не боитесь смерти? Мы, люди, обычно этого боимся.

С.М.: Люди — это люди, а я — это я. Я могу сказать, что не боюсь. Разумеется, все это нарастает, изменяется во времени. Я начал жизнь с того, что хотел всего на свете, а закончил, как это обычно бывает, чем-то противоположным.

— Но вы свою жизнь не закончили, а говорите так, будто это уже какая-то жизнь после жизни. То, что вы с Анджеем издали альбом об уходе, не означает, что вы уже ушли.

С.М.: Ну что ж, пока я говорю, значит, не закончил. Если я принимаю это во внимание, то выражаюсь очень точно.

— Старость — это свобода?

С.М.: Разумеется. В моем понимании человек с возрастом все меньше рискует потерять. Это и есть свобода — по крайней мере от чего-то, от многих вещей, которые когда-то были важными, — но, само собой, не от всех.

— А от чего старость не освобождает?

С.М.: От ответственности за другого человека.

— А как вы раньше обходились со свободой, если она у вас появлялась? С самой обыкновенной повседневной свободой? Вы ее не тратили впустую?

С.М.: Я считаю своей заслугой то, что никогда не потратил впустую свою свободу и потому прожил такую жизнь, какую прожил.

— Такую... состоявшуюся?

С.М.: Ну, в общем, да.

— Сьюзен Зонтаг